

дота»,⁷ также соотносима с лубочным подтекстом рассказа. Инолитературный двойник действительного статского советника Ивана Ильича, советник Кнап, силой волшебства оказавшийся в весьма неподходящем ему «грубом обществе», путает «печатную лубочную картинку» прежних времен с «сегодняшним номером» копенгагенской газеты «День». Лубочным комизмом отмечена и сцена угощения несчастного любителя старины: голову девушки, «с поклоном подносящей советнику вино», украшает «двухцветный чепец», «по уставу короля Ганса» полагающийся особам «двусмысленного поведения».⁸

Рассказ о квазимосковских приключениях петербургского генерала мог явиться и структурной перелицовкой приключений советника титулярного. Амбивалентная фигура Якова Петровича Голядкина, героя, сочетающего в себе признаки как авантюрно-романтической эстетики, так и «волшебной сказки в ее лубочном варианте»,⁹ сродни двойственному образу Ивана Ильича.

Голядкин, «архаист», порицающий всякую аномативность и рассуждающий «о том, что Россия с часу на час идет к совершенству», в душе — отчаянный «новатор», романтически братающийся (здесь важен мотив опьянения, вина) со своим неблагопристойным двойником и уговаривающий его «заодно хитрить» и «интригу вести» (1, 156, 157—158).

Пралинский,¹⁰ генерал и поэт одновременно, по существу — тот же двойственный тип «петербургского русского», во вкусе Девушкина и Голядкина сниженный до уровня лубка, но, разумеется, не узнающий самого себя в «низкой» литературе «гоголевского направления».

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Е. В. ТАРЛЕ

Гений Достоевского привлек к себе пристальное внимание не только великих писателей и критиков его и последующих эпох, но и многих выдающихся ученых: И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского, А. Эйнштейна, П. Наторпа, З. Фрейда и многих других. К числу его почитателей относился и наш знаменитый

⁷ Подробное см.: *Дауговитш С.* Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Рига, 1990. С. 14—15.

⁸ Полное собрание Сказок Андерсена. 2-е изд. Трубниковой и Стасовой. Пб., 1867. С. 11—12 (особой пагинации третьей части тома).

⁹ *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // *Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в.* Л., 1982. С. 18.

¹⁰ Традиционное «французское» объяснение фамилии героя современный исследователь дополняет немецкоязычным «prahlen» в переводе на русский означает «хвалиться», «хвастаться», а «Praliner» — «хвастун», «бахвал». См.: *Циц М. И.* О повествовательных особенностях рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // *Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы.* Петрозаводск, 1991. С. 118.

Любопытно, что в датском языке «pralhals» (хвастун, фанфарон, бахвал, болтун) может вступать в контрастные отношения с «knap» (еле справляющийся, скудный, скупой на слова).

историк академик Е. В. Тарле (1874—1955), 120-летие которого исполнилось в 1994, а 40-летие со дня смерти — в 1995 г.

Глубокий интерес Тарле к Достоевскому зародился еще в юношеские годы ученого. В ноябре 1900 г. в Варшаве он выступил с публичной лекцией «Достоевский и Шекспир», где отмечал «значение и роль психологического реализма в мировой литературе», и, расматривая Достоевского и Шекспира как двух главных его представителей, высказал мнение, что Достоевский сделал по отношению к Шекспиру «новый шаг в изображении страстей». Именно этим Тарле объяснял «влияние Достоевского в современной западно-европейской литературе».¹

Несомненно, что как автора диссертации о Томасе Море, крупнейшего специалиста по истории общественной мысли и всеобщей истории нового времени, создателя книг о положении рабочего класса во Франции в эпоху революции XVIII в., а позднее — о Наполеоне и Крымской войне, Е. В. Тарле должно было интересоваться также отношением Достоевского ко всему сложному комплексу вопросов об отношении России и Запада. Однако, как свидетельствуют дошедшие до нас тезисы его лекции, внимание его прежде всего привлекал Достоевский-художник, изобразитель «ревности, гнева, любви, жестокости, честолюбия»,² возросших во второй половине XIX в. по сравнению с эпохой Шекспира и преобретших в связи с этим новые формы, угаданные гением Достоевского.

В 1900—1905 гг. Тарле обращается с рядом писем к А. Г. Достоевской.³ Из них видно, что в это время они не были лично знакомы. В письме от 5 декабря 1900 г. молодой ученый пишет о своем «восторге» перед Достоевским, соглашаясь с мнением варшавского газетного обозревателя о «культе» Достоевского, которым была проникнута его лекция. В ответ А. Г. Достоевская посылает ему по его просьбе фрагмент черновой рукописи «Братьев Карамазовых». Благодаря ее 13 февраля 1901 г. за этот подарок, Тарле пишет: «Уже давно, с первых курсов университета, я занимаюсь произведениями Вашего мужа и льщу себя мыслью, что результаты этой моей работы не будут вполне безынтересны: в творчестве Достоевского есть такие элементы, такая огромная, ни с чем не сравнимая глубина, что, конечно, для целых поколений критиков хватило бы (и хватит) работы, когда наша культура настолько повысится, что мы начнем ценить по достоинству наших гениев <...> Думаю, что через несколько лет, если обстоятельства сложатся благоприятно, я напишу книгу о творчестве Достоевского, но, к сожалению, не могу ручаться, что это будет скоро <...> Я коснусь главным образом <...> его художественного, психологического, изобразительного гения <...> Судить о Достоевском на основании его политических и иных воззрений — это все равно, что судить на подобном же основании Рентгена <...> До-

¹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 173. Ср.: Тарле о Достоевском // Советские архивы. 1966. № 6. С. 94—95 (публикация Е. И. Чапковского).

² Из литературного наследия... С. 173.

³ Там же. С. 174—188.

стовский открыл в человеческой душе такие пропасти и бездны, которые и для Шекспира, и для Толстого остались закрытыми».⁴

Из письма Тарле к А. Г. Достоевской видно, что в 1905 г. она послала ему первые тома только что выпущенного ею юбилейного издания Полного собрания сочинений Достоевского, которые побудили его еще раз перечитать своего любимого писателя.⁵ И позднее он постоянно обращается к его оценке, его образам и литературе о нем, а портрет Достоевского постоянно висел на стене кабинета ученого рядом с портретами Лермонтова, Герцена и Толстого.⁶

Об особом интересе Е. В. Тарле в 1940—1950-е гг. к рассказу Достоевского «Бобок», его высокой оценке Достоевского-художника и скептическом отношении к религиозным идеям Достоевского свидетельствуют материалы, приведенные в недавно изданной книге о Тарле Б. С. Когановича.⁷

А. МАРКОВИЧ

ЗАМЕТКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА ДОСТОЕВСКОГО

Андре Маркович родился 29 сентября 1960 г. в Праге. Мать его — по происхождению ленинградка (урожд. Левис), отец — француз. В 1961 г. родители А. Марковича переехали с сыном в Москву, а в 1964 г. — во Францию.

Маркович окончил Сорбонну (отделение французской литературы). Здесь он начал заниматься сравнительным литературоведением (взаимоотношениями Пушкина с А. Шенье и «малыми» французскими романтиками — Сент-Беном, А. Дешаном и др.). Результатом этих занятий явилась статья, опубликованная в юбилейном пушкинском номере «Revue de l'etudes slaves» (1987).

В Париже Маркович познакомился в 1976 г., когда еще учился в лицее, с проф. Е. Г. Эткиндом, который привлек его к работе над переводами стихотворений А. С. Пушкина для третьего тома Собрания его сочинений на французском языке, вышедшего в 1981 г. Кроме стихотворений он перевел «Сцену из „Фауста“», «Маленькие трагедии», «Русалку» и «Сцены из рыцарских времен», а также «Капитанскую дочку» (1986). Интенсивный труд над переводами Пушкина, а затем и Лермонтова, участие в работе над большой антологией русской поэзии «Золотой петушок», вышедшей в Париже в 1983 г., для которой Маркович перевел стихи около 50 авторов — от Кантемира до И. Бродского, послужили для него школой переводческого труда и выявили его блестящий талант переводчика-новатора.

С 1985 г. он стал профессиональным переводчиком и с тех пор выпустил около тридцати книг своих переводов. Среди них — переводы произведений А. П. Чехова, В. В. Набокова, М. И. Цветаевой, Е. И. Замятина, Конст. Вагинова, М. М. Зощенко, М. А. Волошина и др. Параллельно с прозой он переводил стихи русских поэтов — классических и современных. Так, он участвовал в двух сборниках переводов произведений И. Бродского, перевел сборники «Россия летом» К. Унксовой, «Ничего, кроме жизни» О. Николаевой, три книги стихов Г. Айги и две — И. Зданевича, «Антологию современной русской поэзии» (Г. Айги, И. Бродский, В. Соснора, А. Кушнер, Г. Капелан, Е. Ушакова, А. Хвостенко, М. Яснов, А. Драгомощенко, И. Жданов, В. Аристов, О. Николаева, Н. Кононов, И. Кутик, Э. Пустынин) и т.д.

⁴ Там же. С. 174—175.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ См.: Там же. С. 73, 189, 222, 232, 250, 253, 262, 276, 303, 306, 322 (см. также указатель имен).

⁷ Коганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 104—105, 130.